

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXII ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1988
Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1989

стишия связаны устойчивой символикой, понятной часто только индонезийцу (например, традиционная символика цветов и животных). Среди различных пантунов (любовных, хвалебных, печальных и т.д.) пантуны-загадки выделяются зашифрованностью своего языка, которая является в них **самоцелью**: второе двустишие должно представлять отгадку загадки, содержащейся в первом двустишии. Связь между ними осуществляется опять-таки на основе звуковых и смысловых ассоциаций, традиционной символики.

Намеренная затемненность смысла, зашифрованность поэтического языка как следствие ассоциативной образности и устойчивой символики – эти черты современной индонезийской поэзии, несомненно, восходят к пантунной традиции.

Поэты современной Индонезии – хотели они того или нет – впитали в своем творчестве черты исконно индонезийской фольклорной традиции и, пропустив их через свое вполне современное видение мира, создали на основе этой исконной традиции очень современную, сугубо индивидуальную поэзию.

1. В переводе мы сохраняем знаки препинания оригинала, где они в конце стихов, как правило, отсутствуют.
2. На такое понимание стихотворения обращает внимание видный голландский индонезист А.Тэу; **А. Teeuw. Modern Indonesian Literature. The Hague, 1967, p. 123.**
3. Тути Нурхади высказала это мнение в частной беседе с А.Тэу; **А. Teeuw, op.cit., p. 123.**
4. **А. Teeuw, op.cit., p. 122; М.А. Болдырева. Творчество индонезийских поэтов XX века Амира Хамзаха и Хэйрила Анвара, с. II2, I27-I28, Москва, 1976.**
5. **Umar Junus. Perkembangan Puisi Melayu Modern. Kuala Lumpur, 1967.**

А.Д.Бурман

МОТИВ БРАТА И СЕСТРЫ В БИРМАНСКОЙ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

В бирманских пьесах 20ой пол. XIX в. часто встречается мотив incestного брака брата и сестры. Доктор Тхин Аун также упоминает о распространенности этого сюжета в пьесах конца XIX века, объясняя это явление декадансом бирманской драматургии и приводя в качестве параллели популярность сюжетов о преступной любви между братом и сестрой в английской елизаветинской драме периода упад-

ка.¹ Трудно согласиться с таким утверждением, тем более, что мотив брака брата и сестры мы находим в литературных произведениях разных жанров не только XIX, но и XVIII века. Чем же объяснить стабильную повторяемость этого сюжета в бирманских письменных текстах?

Удалось установить, что мотив брака брата и сестры имеет длительную традицию, закреплённую как в мифе, так и в ритуале времен раннего Пагана – первого крупного государственного объединения на территории Бирмы. Миф о брате и сестре, а также сведения об их культе в качестве духов-хранителей страны и народа содержится в "Хманнанязавин" – "Хронике стеклянного дворца", составленной в период правления короля Баджидо (1819–1838) на основании всех предшествующих исторических записей – эпиграфики, местных летописей, хроник пагод и т.д. Содержание мифа следующее: в государстве Тагаун живет могущественный кузнец, обладающий необычайной силой. Король, боясь за свой трон, хочет схватить его, но кузнец скрывается в ущелье. Король женится на его младшей сестре и через нее приглашает кузнеца ко двору, якобы для того, чтобы сделать его правителем города. Когда доверчивый кузнец приходит во дворец, его привязывают к дереву Сага и зажигают костер. Сестра бросается в огонь, король хватается за волосы, она сгорает вместе с братом и в руках короля остается лишь голова. Поэтому умершая сестра получает имя Швеймьетхна – Золотой лик. После смерти брат и сестра становятся духами-натами, поселяются в дереве Сага и убивают всех живых существ, оказавшихся под деревом. Король приказывает срубить дерево и пустить его по воде. Ствол дерева плывет по течению реки Иравади и доходит до города Тирипьясайя (будущий Паган). По приказу местного короля ствол вылавливают, вырезают из него изображения брата и сестры и устанавливают их на вершине горы Поупа – священной горы бирманцев. Брату присваивается титул Шин Махагири (господин великой горы), сестре – Таунджишин (госпожа великой горы), но в народе ее попрежнему называют Швеймьетхна.² Месяц установления изображений ната Махагири и его сестры на горе Поупа был впоследствии переименован в месяц "Надо" (месяц королевских натов), а его полнолуние было объявлено ежегодным праздником натов горы Поупа. Культ брата и сестры – натов горы Поупа поддерживался всеми последующими королями Бирмы. При постройке Пагана в 849 г. фигуры брата и сестры были вырезаны на колоннах главных ворот, что подчеркивало их функцию хранителей города и народа. Каждый новый король был обязан совершать ритуальное восхождение на г.Поупа для "представления" нату Махагири и его сестре Швеймьетхна. Этот сакральный акт считался не менее важным, чем коронация и записывался в хрониках

правителей как "восхождение короля на золотую гору" с указанием даты.³

Согласно хроникам, нат Махагири считался покровителем королевской династии и являлся перед монархами в переломные моменты их жизни; оказывая помощь и поддержку. Однако в хрониках подчеркивается, что нат Махагири помогал лишь законному королю, потомку солнечной династии, на что хотелось бы обратить особое внимание.

Как видно из текста, приведенного в "Хронике стеклянного дворца", в мифе о нате Махагири и его сестре не упоминается об их супружеских отношениях. В бирманских пьесах и повестях мотив инцеста брата и сестры также выступает чаще всего в завуалированном виде. Например, брат женится на сестре в следующем перерождении (анонимная пьеса "Зотагоумма"⁴), либо о любви брата и сестры говорится намеками, хотя из сюжета ясно, что они должны пожениться (пьеса Схая Тина "История реки Талавади"⁵), либо брат и сестра вступают в брак, став духами-натами (повесть Шведауна Тихату "Чудесное зеркало"⁶). Однако есть произведения, где о браке брата и сестры говорится прямо (например, в пьесе У Ку "Брат и сестра - обезьяны"⁷ героиня выходит замуж за своего сводного брата).

Сопоставление вариантов сюжета о брате и сестре показывает, что в них имеется несколько общих моментов:

1. Любовные отношения между братом и сестрой - особенно четко это видно из пьес, где брат и сестра обязательно участвуют в сцене помолвки - стандартной сцене бирманской драмы, изображающей дуэт влюбленных.

2. Разлучение (чаще всего, насильственное) брата и сестры.

3. Насильственная смерть одного или обоих.

4. Мечь брата или сестры за умершего или мечь умерших, ставших натами.

5. Пускание по воде тела умершего на стволе дерева.

6. Воссоединение брата и сестры после разлуки-смерти.

Таким образом, все варианты сводятся к минимальному инварианту текста, который мы сопоставим с мифом о брате и сестре, изложенным в "Хронике стеклянного дворца". Действительно, в нем присутствуют: 1) разлучение брата с сестрой (сестра выходит замуж за короля Тагауна); 2) насильственная смерть брата - его сжигают на костре, причем сестра бросается в его костер, что сразу же наводит на мысль об индуистском обряде сати, где жена бросается в погребальный костер мужа; 3) мечь брата и сестры, ставших натами, за свою смерть - поселившись в дереве Сага, они убивают всех живых существ, появляющихся под деревом; 4) пускание по воде

ствола дерева, где обитают духи брата и сестры; 5) тройное воссоединение разлученных брата и сестры - в костре, стволе дерева и алтаре на вершине горы Поупа.

Исходя из общих моментов, мы можем сделать вывод, что указанный миф является одним из вариантов мотива о браке брата и сестры. С точки зрения мифа взаимоотношения брата и сестры можно рассматривать как супружеские, что впоследствии было либо утеряно, либо сознательно вычеркнуто из ритуала, как несоответствующее общепринятым моральным нормам (что представляется более вероятным).

Рассматривая максимальный инвариант мотива брата и сестры, мы приходим к выводу, что миф о нате Махагири и его сестре является фрагментом этого инварианта. Наиболее близок к максимальному инварианту, на наш взгляд, сюжет пьесы "Зотагоумма", где описывается история рождения брата и сестры. Вот краткое изложение этого сюжета: у королевы Южного дворца рождаются близнецы, брат и сестра. Из-за интриг младшей королевы их объявляют мертвыми и пускают по воде. Принца глотает дракон и его дух входит в рубин на его груди. Принцессу глотает рыба и ее дух входит в жемчужину в голове у рыбы. Дракон и рыба попадают к отшельнику. Благодаря магической силе отшельника из рубина рождается юноша, а из жемчужины - девушка. Отшельник открывает им, что в прошлом перерождении они были братом и сестрой. После многих испытаний и разлук они вступают в брак.⁸

Любопытно, что этот вариант мифа, в той его части, где излагается история брата и сестры, во многих деталях совпадает с мифом о сестре и брате - солнце и луне и их родителях, реконструированным М.И.Никитиной на материале стран Дальнего Востока.⁹ Действительно, в бирманской мифологической традиции в качестве пары родителей выступают Дракон и Рыба; в дальневосточной - Дракон и Черепаха. В том и другом случае брат и сестра рождаются из предметов - красного камня и жемчужины.

В дальневосточном варианте сестра рождается как солнце, брат - как луна, в бирманском происходит перестановка - брат ассоциируется с солнцем, сестра - с луной. Указание на эту связь мы находим в повести бирманского писателя XVIII века Шведауна Тихату "Чудесное зеркало". Согласно изложенному здесь варианту рассматриваемого мифа, брат и сестра находятся в супружеских отношениях, будучи натами; затем брат в виде солнца входит в грудь земной королевы и рождается принцем; сестра в виде луны входит в грудь королевы натов и рождается принцессой; принц и принцесса вступают в брак; волшебная птичка рассказывает им об их предшествующей жизни

в качестве брата и сестры – супругов.¹⁰ Следует отметить такую деталь – описание рождения принцессы сопровождается метафорой: "из драгоценного ларца выкатилась удивительная жемчужина".¹¹

Рассматривая государственный ритуал, связанный с поклонением нату Махагири на горе Поупа, мы уже отмечали, что Махагири считался покровителем законного монарха, происходящего из солнечной династии. Например, в хрониках сообщается, что он отказался помогать королю Шин Сорахану (УП в. н.э.), т.к. тот не принадлежал к солнечному роду. Связь ната Махагири и его сестры с солнцем и луной проявляется, на наш взгляд, еще в одном эпизоде "Хроники стеклянного дворца": когда государство Паган в начале XI века было захвачено монами и будущий король Чанситта собирал на горе Поупа остатки разгромленной бирманской армии, в его свите был некий монах, совершавший магический обряд, чтобы обеспечить победу бирманцам. Он прочитал заклинания над свинцовым суриком и киноварью, а затем на чертал (очевидно, этими красками) изображения солнца и луны на лбах боевых слонов, на конских седлах, щитах и военных стягах. Якобы с помощью этих заклинаний, а также при поддержке самого ната Махагири Чанситта одержал победу над монами и стал одним из самых прославленных королей в бирманской истории.¹²

Чем же объясняется перестановка солярной символики в бирманском варианте мифа в отличие от дальневосточного? Скорее всего, на древнейший слой мифологических представлений, свойственный предкам бирманцев, спустившимся в долину Иравади из Китая и Тибета, наложилась позднее индо-буддийская концепция королевской власти, где король считался потомком солнечной династии и ассоциировался с солнцем, в то время как королева символизировала луну. Обычно они именно так и именовались в официальных документах, обращениях и титулованиях. Возможно, эта концепция как-то смыкается с мифологической традицией, распространенной во всей Юго-Восточной Азии, согласно которой все земные правители произошли от союза сына солнца с принцессой змей-нагов. Эти верования были широко распространены в Южной Бирме, Таиланде, Индонезии, а также в Южной Индии.

Рассматривая мотив брата и сестры в бирманской мифологической традиции, хотелось бы выявить хотя бы отчасти сложные отношения между мифом и действительностью, наметить, пусть предположительно, этноисторическую основу возникновения данного сюжета. Выше уже упоминалось, что в различных вариантах мифа брак брата и сестры чаще всего выступает в завуалированном виде, лишь в некоторых случаях упоминается о браке сводных сестры и брата. Возможно, это объясняется существованием в Бирме обычая сочетать браком сводных

брата и сестру в королевской семье. Эта традиция неуклонно соблюдалась в бирманском государстве вплоть до конца XIX века, когда Бирма была захвачена англичанами. Обычно принцессу "табиндайн" (дочь короля от одной из главных жен) держали незамужней до тех пор, пока наследник престола не становился королем и тогда выдавали за него **замуж**, чтобы сохранить чистоту королевской крови.

Слово "табиндайн" означает "веточка с одного дерева", а сводные брат и сестра в королевской семье, предназначенные для брака, в литературных текстах обычно обозначаются формулой "раздвоенная веточка с одного дерева". Можно предположить, что в мифах об инцесте брата и сестры общественное сознание пыталось снять оппозицию между запретом на инцестный брак и его живым бытованием в королевской династии, связанным с государственной необходимостью. Возможно, этим объясняется и трагизм, и глубокая печаль, всегда сопутствующая этому сюжету как в мифе, так и в ритуале.

-
1. Maung Htin Aung. *Burmese Drama*. London, 1957, с. 120.
  2. *The Glass Palace Chronicle of the kings of Burma*, transl. by Pe Maung Tin and G.H.Luce. London, 1923, с. 45-46.
  3. Maung Htin Aung. *Folk Elements in Burmese Buddhism*. Rangoon, 1959, с. 65-67.
  4. Zawtagohmma Pyazaht. - *The Burman, his life and notions*, by Shway Yoe, vol. 1, London, 1882.
  5. Схая Тин. Талавади мьи тамайн (пьеса "История реки Талавади"). Рангун, 1891.
  6. Шведаун Тихату. Чудесное зеркало. Пер. Ю.М.Осипова. М., 1975.
  7. У Ку. Лувун маунхнама пъяза (пьеса "Брат и сестра - обезьяны"). Рангун, 1876.
  8. Zawtagohmma... с. 357-361.
  9. М.И.Никитина. Об интерпретации одной буддийской легенды из Самгук Юса. - *III и ПИКНВ, ХУШ, ч. Ш, М., 1985*; она же. Об одной из разновидностей ритуала в связи с проблемой общности мифологических представлений в культурах стран Дальнего Востока. *III и ПИКНВ, XIX, ч. I, М., 1986*.
  10. Шведаун Тихату... с. 185-188.
  11. Шведаун Тихату... с. 37. Эта метафора вряд ли является здесь случайной, учитывая весь контекст данного мотива. Следует добавить, что связь луны с женским началом и жемчугом четко выявляется в сравнительной мифологии народов мира - см. *Mircea Eliade. Patterns in comparative Religion*. London, 1971, с. 156.
  12. *The Glass Palace Chronicle*... с. 103-104.